

ИСТОКИ ПОЧИТАНИЯ ОБРАЗА АХИЛЛА СКИФАМИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Владимир Лазаренко

кандидат медицинских наук, профессор Ижевского государственного технического университета имени М. Т. Калашникова, ул. Студенческая, 7, 426069 г. Ижевск, Россия, lazvgr@yandex.ru, ORCID 0000-0003-0380-6133

Исследованы древнейшие истоки популярности образа Ахилла у скифской аристократии. В связи с этим рассмотрены сюжеты из жизни Ахилла, изображенные на произведениях торевтики, найденных в скифских курганах. Это серия золотых обкладок горитов, датируемых 340–320 гг. до н.э. и обнаруженных в четырех курганах: Чертомлыцком, Ильинецком, Мелитопольском и Восьмом кургане группы «Пять братьев» Елизаветинского могильника. Кроме того, это золотые обкладки ножен мечей, найденных в скифских курганах Чертомлык, Чаян и Восьмом кургане группы «Пять братьев». Рассмотрены античные свидетельства связи Ахилла со скифами и Северным Причерноморьем. Показана необходимость изучения истоков популярности образа Ахилла у скифов в индоевропейском контексте, что обусловлено тем, что именно в Северном Причерноморье произошли основные события формирования и распада индоевропейской языковой общности. Здесь же с IV по I тысячелетие до н.э. был непрерывно распространен культ змей. На основе этого культа в данном регионе сформировался культ Аhi-Змея – Верховного божества и Первопредка ранних индоевропейцев (ариев). Он затем послужил фундаментом догреческого генезиса образа пра-Ахилла, в том числе образования его имени. Обосновано предположение, что Ахилл представлял собой в варварской среде – реликтовых ариев (дандариев, тавров, ахейцев, синдов, меотов) и среди скифов античного Северного Причерноморья воплощение Аhi-Змея – Первопредка и Верховного бога. Именно это объясняет особенности культа Ахилла в Северном Причерноморье по сравнению с остальной Грецией, в том числе его тесную связь со змеями. Данные представления послужили также основой значительной популярности среди варваров сюжетов, связанных с Ахиллом, и отраженных, в частности, на изделиях скифской торевтики.

Ключевые слова: культ Ахилла, скифская торевтика, Северное Причерноморье, индоевропейская общность, культ змей, Боспор.

THE ORIGINS OF ACHILLES IMAGE'S DEVOTION BY SCYTHIANS OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION

Vladimir Lazarenko

candidate of medical sciences, professor, M. T. Kalashnikov Izhevsk State Technical University, 7 Studencheskaya st., Izhevsk 426069, Russian Federation, lazvgr@yandex.ru, ORCID 0000-0003-0380-6133

The ancient origins of Achilles image popularity of Scythian aristocracy have been examined. Several scenes from the life of Achilles, depicted on the gold plates of gorites and the gold plates of sword scabbards found in six Scythian mounds near Bosphorus, are considered. We studied ancient evidence of the connection of Achilles with the Scythians and the Northern black sea region. The necessity of studying the origins of the Achilles image popularity among the Scythians in the Indo-European context is shown. This is because precisely in the Northern black sea region the main events of the formation and collapse of the Indo-European language community took place. Here, from the 4 to 1 Millennium BC, the cult of snakes was continuously spread. This took place consistently in the Trypillya culture, the Catacomb, the Srubnaya, and the Belozersk cultures. Based on this cult in this region the cult of Ahi the Snake, the Supreme deity and the first Ancestor

of the early Indo-Europeans (Aryans), was formed. It then served as the Foundation for the Greek Genesis of the image of Pra-Achilles including the formation of his name. It is suggested that Achilles represented in the barbarian environment the relic Aryans (Dandariis, Tauris, Achaeans, Sinds, Maeotians) and among the Scythians of the ancient Northern black sea region the incarnation of Ahi the Serpent – the first Ancestor and Supreme God. This explains the features of Achilles cult in the Northern black sea region compared to the rest of Greece including its close connection with snakes. These representations also served as the basis for significant popularity among barbarians of stories related to Achilles and reflected, in particular, on the products of the Scythian toreutics.

Keywords: Achilles cult, Scythian toreutics, Northern black sea region, Indo-European community, cult of snakes, Bosporus.

Свидетельством почитания скифами образа Ахилла является, в частности, целый ряд изображений на произведениях тореутики, найденных в скифских курганах. Прежде всего это сюжеты названной по месту первой находки, «чертомлыцкой» серии золотых обкладок (обивок) горитов, датированных 340–320 гг. до н.э. и обнаруженных в четырех курганах: Чертомлыцком, Ильинцеком, Мелитопольском и Восьмом кургане группы «Пять братьев» Елизаветинского могильника. Вывод о смысловом единстве изображений на них сделан рядом выдающихся скифологов (Terenozhkin et al. 1988, 121–128, рис. 140; Alekseev et al. 1991, 224–225, кат. № 189). Связываются с «Ахилловым циклом» также сцены боя греков и варваров на золотых обкладках ножен мечей из курганов Чертомлык, Чайн и Восьмого Пятибратнего (Raevskiy 1980, 60–63; Alekseev et al. 1991, 105–107; Alekseev 2012, 214–215; Akimova 2013, 607–608). Сцены на накладках горитов «чертомлыцкой» серии посвящены мирной жизни Ахилла. Это эпизоды пребывания Ахилла на острове Скирос, где мать Фетида пыталась укрыть своего сына от грядущей гибели в Трое: жизнь Ахилла во дворце царя Ликомеда, узнавание Ахилла Одиссеем, прощание Ахилла с Ликомедом и его дочерью Деидамией, которая родила Ахиллу сына Неоптолема, а также сюжет пребывания Ахилла под стенами Трои. Сюжеты пластинчатых накладок на ножны мечей, датированных также 340–320 гг. до н.э., имеют центральную батальную сцену – сражение греков с варварами и амазонками, где главной фигурой является Ахилл (Raevskiy 1980, 60–63; Alekseev et al. 1991, 104–105), убивающий царицу амазонок Пентесилею (Akimova 2013, 607). Все эти артефакты найдены неподалеку от Боспора и были изготовлены в боспорских мастерских, где могли работать и греческие, и варварские мастера (Treyster 1989, 96–99; Akimova 2013, 610).

Гораздо сложнее и интереснее вопрос о причинах популярности у скифской аристократии сюжетов, связанных с Ахиллом. Прежде всего, Ахилл мог ассоциироваться с каким-то местным божеством со схожими функциями. Как полагал М. Ф. Болтенко (Boltenko 1962), у скифов имело место отождествление Ахилла с богом Тагимасадом, почитаемым царями в качестве родоначальника (Hdt. IV, 59). В.Д. Блаватский, говоря об Ахилле Понтархе, утверждал: «Трудно допустить, чтобы во времена существования эллинских городов на Северном Понте это местное божество почиталось одними греками. Нужно думать, что его культ был распространен и среди прибрежных варваров, во всяком случае, каллипидов в устьях Днепра и синдо-меотов на таманском полуострове. Впрочем, не исключена возможность, что в более поздние времена (в IV в. до н.э.) этот культ проник и к царским скифам» и в подтверждение этого приводил сюжеты на вышеуказанных горитах (Blavatskiy 1964, 18–19, 29–30). Продолжая рассуждения М. Ф. Болтенко, Е. А. Акимова указывает: «Культ древнегреческого героя Ахилла был популярен не только у эллинов, но и среди местного варварского населения. Об этом свидетельствуют памятники тореутики, происходящие из скифских курганов... Для Ахилла и Тагимасада были общими такие черты, как хтонизм, связь с водной стихией, с женским божеством <...> Однако неверным было бы считать, что степные кочевники полностью отождествляли Ахилла с Тагимасадом или с другим схожим божеством. Вероятно, любые подобные ассоциации могли иметь место только в среде городского варварского населения, контактировавшего с эллинами. Возможно, ещё одно объяснение популярности оружия с изображением Ахилла у скифских вождей. Изображение Ахилла на горитах могло иметь магический характер... Наличие сюжета, связанного с Ахиллом, на вещах, изготовленных специально для скифской аристократии, можно объяснить и тем, что в

это время культ героя в Северном Причерноморье переживает расцвет» (Akimova 2013, 606, 611–613). Уточним, что мнение, высказанное в последней фразе приведенной здесь цитаты, гораздо ранее сформулировал И. Ю. Шауб, сделав к этому весьма существенные дополнения и подчеркнув связь Ахилла со змеями как одну из важнейших черт, «восходящих к доэллиническому супругу Великой богини – умирающему и воскресающему вегетативному божеству», указал: «Расцвет этого культа, вероятно, был во многом обусловлен тем, что архаический Ахилл греков-колонистов, встретился здесь с местным божеством, имевшим схожие черты» (Shaub 2002, 187, 189).

Тем самым, очевидно, необходимо расширить за пределы собственно скифов круг племен Северного Причерноморья, которым был небезразличен образ Ахилла. Самый ранний из сохранившихся свидетельств связи Ахилла со скифами – это известный фрагмент Алкея (конец VII – начало VI вв. до н.э.): «О Ахиллес, владыка земли скифской» (Alceus. Fr. 48B). Евстафий Фессалоникийский в комментариях к «Землеописанию» Дионисия указывает, говоря об Ахилловом Дроме, что, в отличие от гомеровского героя, был «другой Ахилл, скифский царь этих земель, который влюбился в отосланную туда Ифигению и останавливался здесь во время ее преследования, от чего это место и названо Ахилловым» (Eustath. 306 Müllerus). Лев Диакон говорит (Hist. IX, 6): «Ведь Арриан в своем “Перипле”, что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион, лежащего у Меотидского озера. Изгнанный скифами за свой дикий, жестокий и наглый нрав, он впоследствии поселился в Фессалии. Явными доказательствами [скифского происхождения Ахилла] служат покроей его накидки, скрепленной застежкой, привычка сражаться пешим, белокурые волосы, светло-синие глаза». К происхождению Ахилла из Мирмикиона (Мирмекия) мы еще вернемся. А пока рассмотрим другие племена Северного Причерноморья.

Большинство исследователей полагает, что процессы сложения и распада индоевропейской языковой общности происходили в течение IV–III тысячелетий до н.э. на огромной территории, от Балкано-Карпатского региона до причерноморско-прикаспийских степей, в центре которой – Северное Причерноморье, где и произошли главные события формирования и разделения индоевропейской общности. Глубокая лингвистическая аргументация О. Н. Трубачева, рассмотревшего «нескифское в скифском», дала основание понимать под «Скифией» не просто территорию, занятую скифами Северного Причерноморья, а «Старую Скифию» Геродота. Речь идет о местностях, заселенных «старыми ариями», то есть ариями (общепринятое «индоариями» – неточно), оставшимися здесь после ухода их основной массы на юго-восток и восток в III тысячелетии до н.э. Они образовали в Северном Причерноморье достаточно обширный реликтовый анклав (дандарии, тавры, ахейцы, синды, меоты), сохранившийся и в историческое время – от современной Одессы до Краснодарского края, а также в Крыму. И, как полагает О. Н. Трубачев, «таким реликтовым анклавом могла быть и Старая Скифия, ἀρχαία Σκυθία в Северо-Западном Причерноморье. Это был как бы остаток части народа, отделившейся и ушедшей на юго-восток. Название ἀρχαία Σκυθία “старая Скифия” у Геродота (IV, 5) равнозначно морскому побережью Одесского и Каркинитского заливов» (Trubachev 1999, 99–102). Данные племена реликтовых ариев и составили основу «варварского» населения Северного Причерноморья, в том числе – современного греческим колонистам.

Кроме того, Малой Скифией в древности называлась значительная часть Фракии, а также прибрежная территория между ней и Крымом включительно, где жило «скифское племя тавров» (Strabo VII, 4, 52). Примечательно, что Стефан Византийский (s. v. Σκυθαί) называет скифов фракийским племенем. При этом фракийцы очевидно считали себя ариями – Стефан Византийский (s. v. Φράκη Holstein) сохранил фрагмент утраченной «Вифиники» Луция Флавия Арриана, в котором было зафиксировано одно из древнейших названий Фракии – Ἀρια. Страбон (VII, 3, 2) высказал, со ссылкой на Гомера, мнение об общем происхождении скифских и фракийских племен, а Аполлоний Родосский (Arg. IV, 316) писал; «...скифы – они полукровки фракийцам». Ономастика Скифии, Таврики и Боспора содержит мощный пласт языковых реликтов фракийского облика; например, большинство городов Восточного Крыма и Восточного Приазовья имеют фрако-дакийские названия; существует мнение об очень ранней миграции фракийцев не только в эти районы, но и до

черноморского побережья Кавказа (Cherednichenko 2013, 12; Yaylenko 2016, 58, 63). Связь с Фракией в контексте нашего исследования представляется крайне важной, поскольку верховным богом фракийцев был Фракийский всадник, истоки образа которого уходят в далекое индоевропейское прошлое (Торогов 1992, 23–24). Дело в том, что и сам образ, и культ Фракийского всадника имели в своих истоках очень много общего с образом Ахилла и его культом в Северном Причерноморье (Lazarenko 2017; 2018a, 230–248).

В. Н. Топоров, блестяще показавший на лингвистическом материале до-греческое происхождение образа Ахилла, указал, что «многие его черты могут быть реконструированы как глубокие архаизмы, остатки космогонического “пред-Ахилла”, связанного со змеями, подчеркнув его теснейшую связь с “первостихиями” творения – огнём и водой, а также роль как “посредника между Небом и Землёй”» (Торогов 1990, 76, 91). Последнее имеет четкую параллель со Змеем как аналогом Мирового дерева – оси и центра мироустройства (Торогов 2010, 221–224), что подтверждено сравнительными исследованиями индоевропейских языков, где обнаружено, что Змей выступает даже как символ Вселенной и Мирового разума, вообще считаясь творцом Мироздания (Makovskiy 1996, 175–179). Кроме того, змей выступает в роли Первопредка индоевропейцев (Makovskiy 2014, 124–129). Во всем этом видятся глубинные причины почитания Ахилла варварами Северного Причерноморья, для которых он, в какой-то степени, был воплощением древнейшего верховного божества *Áhi*-Змея, имея к тому же созвучное с ним имя. Тем более, что при сопоставлении приведенного выше фрагмента Алкея и известных скифских генеалогических легенд, тесно связанных со змеями, Ахилл предстаёт не просто «скифом» и даже не только «Владыкой Скифии», но прародителем целого народа «Старой Скифии». Один из культовых эпитетов Ахилла в Ольвийском полисе – «Вечный отец» (Latyshev 1904, 3), вполне возможно, подтверждает это.

Впервые тесная связь образа Ахилла со змеями археологически подтверждена при исследовании его святилища на Бейкуше, где было обнаружено несколько десятков граффити с посвящениями Ахиллу (в большинстве своем в виде А, АХ, АХI), ряд из которых имели также изображения змей (Rusyaeva 1971). И.Ю. Шауб подчеркнул связь Ахилла со змеями как одну из важнейших черт, «восходящих к доэллиническому супругу Великой богини – умирающему и воскресающему вегетативному божеству» (Shaub 2002, 186). Затем В. П. Яйленко достаточно глубоко в лингвистическом плане проанализировал связь культа Ахилла со змеями, и важнейшие выводы этого можно свести к следующему: 1) у туземного индоарийского населения Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья был распространён культ змей; 2) он был связан с Ахиллом; 3) нигде более в Греции культ Ахилла со змеями никак не связывался (Yaylenko 2013a, 64–101; 2013b). Однако, при этом В. П. Яйленко, к сожалению, не привел никаких археологических свидетельств, кроме граффити Бейкуша. Совершенно верно отметив отправную точку доказательств местных корней культа Ахилла в Северном Причерноморье (безусловное сходство имени Ахилла и др.-инд. *áhi*- «змей»), указавший на уникальность связи Ахилла со змеями на Бейкуше по сравнению со всей остальной Грецией и, даже говоря об индоевропейских корнях культа Ахилла, В. П. Яйленко ограничился лишь античным периодом Северного Причерноморья и не исследовал предыдущие периоды развития культа змей в данном регионе.

В отличие от этого, нами было показано, что здесь с IV по I тысячелетия до н.э. включительно, а также в первые века н.э. был распространён, причем непрерывно, культ змей; последовательно это такие культуры: трипольская, катакомбная, срубная, белозерская (Lazarenko 2016a; 2016b); на основе этого культа, очевидно, и сформировался культ *Áhi*-Змея – Верховного божества и Первопредка ранних индоевропейцев (ариев); он затем послужил фундаментом догреческого генезиса образа пра-Ахилла, в том числе его имени (Lazarenko 2015; 2018a, 172–175, 348). В результате многолетних исследований нами также показан варварский характер многих культовых находок на Бейкушском святилище, обосновано предположение, что подношения здесь в виде кратких граффити А, АХ и АХI, тем более – с изображениями змей, посвящались не Ахиллу – герою Троянской войны, но АХI – Змею реликтовых ариев, а также сделаны следующие главные выводы (Lazarenko 2018a, 323–358): 1) наиболее ранние археологические свидетельства поклонения Ахиллу в Северном Причерноморье, датируемые концом VII – началом VI вв. до н.э., связаны с достаточно вероятным культовым комплексом Ахилла в Нижнем Побужье,

объединяющим территориально весьма близкие Березань, Бейкуш и Большую Черноморку II; 2) это позволяет выделить в развитии культа Ахилла в Северном Причерноморье особый и самый ранний этап: конец VII – начало VI вв. до н.э., что подчёркивается неповторимостью в дальнейшем в других местах «змеиных» черт отправления культа Ахилла на Бейкуше; 3) мнение об исключительно милетском (греческом) происхождении культа Ахилла в Северном Причерноморье представляется несостоятельным – в Милете (как и в Ионии в целом) развитый культ Ахилла не подтверждается ни древними источниками, ни данными археологии; 4) решающим фактором формирования архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье на начальном этапе явилась встреча колонистов с мощным идеологическим феноменом – почитанием местными племенами (реликтовыми ариями и, вероятно, фракийцами) практически непрерывно, начиная с IV тысячелетия до н.э., *Áhi-Zmeя* – Первопредка (а в своих истоках – Верховного бога) и олицетворения родившегося в Северном Причерноморье индоевропейского мировоззрения.

Представляется совершенно неслучайным производство «скифских» горитов и обкладок ножен мечей со сценами из мифологии Ахилла именно на Боспоре. Совершенно прав И. Ю. Шауб, утверждая, что в связи с вопросом о религиозном влиянии варварского окружения на греков-колонистов исключительный интерес представляет Боспор, где в результате активного взаимодействия греков-переселенцев с местными племенами сложилась оригинальная культура, в которой эллинская основа органически соединилась с целым рядом варварских элементов, причем, одной из наиболее своеобразных областей этой греко-варварской культуры была религия (Shaub 2008, 114–115). В частности, здесь получил достаточное развитие культ Ахилла, порой носящий скрытый характер, отличающийся, например, с отправлением данного культа на острове Левке – общепризнанном центре греческого культа Ахилла в Северном Причерноморье. При раскопках в Феодосии, Мирмекии, крепости Артезиан, на Тамани, в районе Гермонассы найден ряд граффити и дипинти в виде А, АХ и АХI с датировкой от V–IV вв. до н.э. до первой половины I в. н.э. Но наибольшее количество граффити, так или иначе связанных с Ахиллом, происходит из другого знакового места, расположенного несколько севернее, где Страбон (XI, 2, 6) и Псевдо-Арриан в «Перипле» (68–69) располагали селение Ахиллея со святилищем Ахилла. Сегодня его возможно идентифицировать с одним из соседствующих поселений: Батарейка I, Батарейка II, Каменная Батарейка у южного основания косы Чушка в районе Динского залива. Именно здесь найдены граффити, чаще всего в виде АХ, им иногда сопутствуют знаки в виде зигзага или волнистой линии (что, как известно, символизирует змей); некоторые граффити представлены сочетанием АХ с изображением перевернутого дерева, а также отдельным изображением перевернутого дерева и отдельным изображением змеи в виде волнистой линии, здесь же найдены изображения свастики и пентаграммы. Подробный обзор этих находок с указанием всех источников, а также свидетельства скрытого характера почитания Ахилла на Боспоре приведены в нашей недавней работе (Lazarenko 2019). Подавляющее число граффити Крыма и Тамани, относящихся к Ахиллу, аналогичны по своей краткости большинству посвящений Ахиллу на Бейкуше, Березани, Большой Черноморке II, и, возможно, также являются подношениями не Ахиллу – герою, но *Áhi* – Змею реликтовых ариев Таврии и Тамани, где греки находились буквально в их окружении, соответственно – тавров и синдо-меотов, а многие поселения имели смешанный греко-варварский характер. Нами ранее обосновано предположение о том, что сами множественные и весьма протяженные Ахилловы Дромы (античные источники располагают их от Истра до «устья Меотиды», хотя большинство древних авторов считало, что это современная Теңдровская коса, расположенная примерно посередине между указанными крайними локализациями), даже без каких-либо культовых сооружений на них, были объектами почитания – отражением реликтовой памяти о прото-Ахилле – *Áhi-Zmeя*, Верховном божестве ранних индоевропейцев, обладая его главными характеристиками: величиной, бесконечностью, непознаваемостью (Lazarenko, 2018a, 274–300; 2018b). Очень важен, в связи с этим, эпитет Ахилла в Эпире – *Ἄσπετος* и означает «несказанный, невыразимый, неизреченный; в основном смысле – несказанно великий, невыразимо большой; режее – бесконечный, бесчисленный» (Liddel et al. 1901, 233). Отметим, в связи с этим, что значительных размеров коса Чушка в районе Динского залива, у основания которой предполагается существование пока не найденного святилища

Ахилла, о наличии которого писали, как указано выше, Страбон и Псевдо-Арриан, вполне подходит под определение Ахиллова Дрома, который Присциан (Perieg. 297–299) располагал «вблизи устья Меотиды», то есть Керченского пролива. На наш взгляд, изображения змей, перевернутого дерева (связанного с представлениями об ином мире) и пентаграммы на приведенных выше граффити Тамани находят явные аналогии с граффити Бейкуша, хотя их разделяет, как минимум пять веков, а свастика является, как известно, древнейшим индоевропейским символом. Всё это, видимо, указывает на стойкость характера культа Ахилла в Северном Причерноморье среди практически всех племен, населявших его продолжительное время.

Фрагмент из рассмотренного выше текста Льва Диакона: «Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион, лежащего у Меотидского озера», приобретает особое значение после находки так называемого Мирмекийского саркофага, датированного II в. н.э. Дело в том, что имеющиеся на нём изображения также имеют сюжеты о пребывании Ахилла на острове Скирос. Ключевой здесь является сцена «узнавания» Ахилла Одиссеем и его спутниками, что справедливо трактуется как символ «возвращения к нормальной, героической жизни (что) может свидетельствовать лишь об одном – возрождении... главный рельеф (Мирмекийского саркофага) должен символизировать фундаментальную идею возрождения после смерти» (Butyagin et al. 2016, 14–26). Поразительно, но большинство сюжетов на данном саркофаге и горитах «чертомльщкой» серии очень похожи, хотя их создание разделено пятью веками. Это может говорить, на наш взгляд, еще раз только об одном – об устойчивости сакрального смысла образа Ахилла для реликтовых ариев, населявших Боспор. Важен феномен и самого Мирмекия. Примечательно, что нигде в Греции (в том числе и в Фессалии, откуда «производит» мирмидонян большинство авторов), кроме восточной части Крымского полуострова, не было населенных пунктов с подобным названием – по крайней мере, у Павсания в «Описании Эллады» данных о таких городах или поселках нет. Относительно же крымского Мирмекия имеется достаточное число античных сведений: Страбон (VII, 4, 5; XI, 2, 6), Помпоний Мела (Chor. II, 3) и Плиний Старший (NH. IV, 87) безапелляционно говорят о городе или городке Мирмекий, локализуя его в одном и том же месте – в районе современной Керчи. О населенном пункте Мирмекий в Крыму сообщают также Псевдо-Скилак (68), Элий Геродиан (XIII, 373, 26), Псевдо-Арриан (PPE, 76), Стефан Византийский, а о мысе Мирмекий – Птолемей (III, 6, 3). Сегодня существование Мирмекия подтверждено многолетними археологическими исследованиями, локализовавшими его на Карантинном мысу северной части Керченской бухты, а почитание Ахилла в Мирмекии засвидетельствовано найденными здесь граффити в виде AX и AXI (Yemets 2005, табл. LIII, 4, и CX, 4–5). Еще раз подчеркнем, что подобные граффити аналогичны по своей краткости большинству посвящений Ахиллу на Бейкуше, Березани и Большой Черноморке II, и, возможно, также являются подношениями не Ахиллу-герою, но AXI-Змею реликтовых ариев Таврии, где культ змей, как показано нами, был достаточно представлен от кизил-кобинской культуры до римского времени (Lazarenko 2019). Кроме того, само название Мирмекия, безусловно, происходит от $\mu\acute{\rho}\rho\iota\tau\acute{\iota}\xi$ «муравей». И здесь очень важно, что в индоевропеистике зафиксирован семантический переход понятий «змея (червь) – муравей» (Gamkrelidze et al. 1984, 527). Это позволяет, с достаточной степенью вероятности, считать едиными основы представлений древних об Ахилле-Змее и Ахилле-предводителе мирмидонян – «муравьиных людей»; связь последних с названием Мирмекия совершенно верно утверждает И. Ю. Шауб (2002, 186–189). Характерно, что муравьи, как и другие насекомые, не играли почти никакой роли в официальном греческом религиозном ритуале, но они представлялись в народной религии «одной из самых частых обителей душ усопших» (Kagarov 2012, 303–304). Однако, Климент Александрийский сообщает (Protr. II, 39, 6), что фессалийцы в древности поклонялись муравьям, так как верили, что Зевс, обернувшись муравьем, сочетался браком с Эвримедузой и произвел на свет Мирмидона – первопредка мирмидонян, и это может быть отражением очень раннего предания. Поклонение же муравьям представляется не чем иным, как поклонением далеким предкам – «перволюдям». В продолжение исследований, показавших, что народа (племени) мирмидонян как такового не существовало, но имел место «комплекс мифов о мирмидонцах, хтонических перволюдях и муравьином племени» (Braginskaya 1993), нами показано, что эти предания с большой вероятностью

возникли в древности на территории современного Крыма, где, согласно церковным апокрифам, находился город Мирмидон – конечный пункт проповеди апостолов Андрея и Матфея в Скифии; имеющиеся же античные данные о мирмидонянах, вполне вероятно, говорят об истоках образа Ахилла как Первопредка ранних индоевропейцев (Lazarenko 2017a; 2018a, 310–313).

В итоге следует констатировать, что культ змей в Северном Причерноморье античного времени был достаточно выражен от Фракии до современной Кубани. Более четко он прослеживается в «варварской» среде – у тавров и скифов. Учитывая тесные контакты местного населения с греческими полисами и их хорой, а также традицию культа змей в данном регионе в течение нескольких тысячелетий, трудно отрицать местное идеологическое влияние на греческое население (тем более, имеющее пусть далекое, но общее с реликтовыми ариями раннее индоевропейское прошлое), что и проявилось в особенностях культа Ахилла в Северном Причерноморье, в том числе в Крыму и на Кубани. Здесь культ Ахилла, похоже, имел еще более тесные связи со змеями, чем в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье, что подчеркивает его местные древнейшие корни, которые, видимо, и обусловили скрытый от непосвященных характер данного культа. Это позволило культу Ахилла в Крыму и на Кубани сохранить свои исконные особенности в течение пяти веков – до I–II вв. н.э., в отличие от известных ритуалов на острове Левке, а также отправлявшихся на острове Березани, в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье, где в это время уже сформировался культ Ахилла Понтарха.

Таким образом, Ахилл очевидно представлял собой в варварской среде, в том числе среди скифов, образ вечно живого Первопредка, если не Верховного бога. Именно это, видимо, и послужило основой значительной популярности его греческой мифологии, отраженной, в частности, на изделиях «скифской» торевтики.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Akimova, Ye. A. 2013. Akhill v greko-varvarskoy torevtike Severnogo Prichernomor'ya [Achilles in the Greek-barbarian torevitics of the Northern black sea region]. *Bosporskiy fenomen*. Saint-Petersburg, s. 606–613. (In Russian).
- Акимова, Е. А. 2013. Ахилл в греко-варварской торевтике Северного Причерноморья. Боспорский феномен. Санкт-Петербург, с. 606–613.
- Alekseev, A. Yu. 2012. Zoloto skifskikh tsarey iz sobraniya Ermitazha [Gold of the Scythian kings from the Hermitage collection]. Saint-Petersburg, State Hermitage, 272 s. (In Russian).
- Алексеев, А. Ю. 2012. Золото скифских царей из собрания Эрмитажа. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, 272 с.
- Alekseev, A. Yu. et al. 1991. Chertomlyk. Skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n. e. [Chertomlyk. Scythian Royal barrow IV century BC] / A. Yu. Alekseev, Murzin, V. Yu., Rolle, R. Kiev, Naukova dumka, 416 s. (In Russian).
- Алексеев, А. Ю. 1991. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. / Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. Киев, Наукова думка, 416 с.
- Blavatskiy, V. D. 1964. Vozdeystvie antichnoy kultury na strany Severnogo Prichernomor'ya (v VII–V vv. do n.e.) [The impact of ancient culture on the countries of the Northern black sea region (in the 7–5 centuries BC)]. *Sovetskaya arkheologiya*. № 2, s. 13–26.
- Блаватский, В. Д. 1964. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII–V вв. до н.э.). Советская археология, № 2, с. 13–26.
- Boltenko, M. F. 1962. Herodoteanea. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya*. Issue 4, Odessa, s. 16–32. (In Russian).
- Болтенко, М. Ф. 1962. Геродотеяна. Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 4. Одесса, с. 16–32.
- Braginskaya, N. V. 1993. Kto takie mirmidontsy? [Who are the myrmidons?]. *Ot mifa k literature*. Moskva, s. 231–256. (In Russian).
- Брагинская, Н. В. 1993. Кто такие мирмидонцы? От мифа к литературе. Москва, с. 231–256.
- Butyagin, A. M. et al. 2016. Mirmekiyskiy sarkofag v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha [Myrmekion sarcophagus in the collection of the State Hermitage] / A. M. Butyagin, Yu. A. Vinogradov. Saint-Petersburg, State Hermitage, 48 s. (In Russian).
- Бутягин, А. М., Виноградов, Ю. А. 2016. Мирмекийский саркофаг в собрании Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, 48 с.

Gamkrelidze, T. V. et al. 1984. Indoeuropeyskiy yazyk i indoeuropeytsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prazyaka i protokultury [Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical and typological analysis of proto-language and protoculture] / T. V. Gamkrelidze, Vyach. Vs. Ivanov. Tbilisi, 1409 s. (In Russian).

Гамкрелидзе, Т. В., Иванов, Вяч. Вс. 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1409 с.

Cherednichenko, A. G. 2013. K probleme polietnicheskogo sostava Drevney Frakii [On the problem of the polyethnic composition of Ancient Thrace]. *Drevnosti 2013. Kharkovskiy istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik*. Vol. 12, No 12, s. 8–18. (In Russian).

Чередниченко, А. Г. 2013. К проблеме полиэтнического состава Древней Фракии. *Древности 2013. Харьковский историко-археологический ежегодник*. Т. 12, № 12, с. 8–18.

Kagarov, Ye. G. 2012. Kult fetishey, rasteniy i zhivotnykh v Drevney Gretsii [Cult of fetishes, plants and animals in Ancient Greece]. Moskva, Librokom, 336 s. (In Russian).

Кагаров, Е. Г. 2012. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. Москва, Librokom, 336 с.

Lazarenko, V. G. 2018a. Akhill – bog Severnogo Prichernomorya [Achilles-God of the Northern black sea region]. Izhevsk, Shelest, 416 s. (In Russian).

Лазаренко, В. Г. 2018а. Ахилл – бог Северного Причерноморья. Ижевск, Шелест, 416 с.

Lazarenko, V. G. 2017. Kult Akhilla v Severnom Prichernomore i Frakiyskiy vsadnik [The cult of Achilles in the Northern black sea region and the Thracian horseman]. *Novyy Germes*. Issue IX, Saint-Petersburg, s. 97–152. (In Russian).

Лазаренко, В. Г. 2017. Культ Ахилла в Северном Причерноморье и Фракийский всадник. *Новый Гермес*. Вып. IX, Санкт-Петербург, с. 97–152.

Lazarenko, V. G. 2016a. Kult zmey v Severnom Prichernomore IV–I tysyacheletiy do n.e. [The cult of snakes in the Northern black sea region of the 4–1 millennia BC]. *Visnik Natsionalnogo istoriko-arkheologichnogo zapovidnika «Kam'yana Mogila»*. Issue I, Zaporizhzhya, Dike Pole, s. 37–48. (In Russian).

Лазаренко, В. Г. 2016а. Культ змей в Северном Причерноморье IV–I тысячелетий до н.э. *Вісник Національного історико-археологічного заповідника «Кам'яна Могила»*. Вип. I, Запоріжжя, Дике Поле, с. 37–48.

Lazarenko, V. G. 2015. Obraz Zmeya i arkhaiskiy kult Akhilla v Severnom Prichernomore [The image of the Serpent and the archaic cult of Achilles in the Northern black sea region]. *Novyy Germes*. Issue VII, Saint-Petersburg, s. 30–54. (In Russian).

Лазаренко, В. Г. 2015. Образ Змея и архаический культ Ахилла в Северном Причерноморье. *Новый Гермес*. Вып. VII, Санкт-Петербург, с. 30–54.

Lazarenko, V. G. 2019. Osobennosti kulta Akhilla v Krymu i na Aziatskom Bospore [Features of the cult of Achilles in the Crimea and the Asian Bosporus]. *Bosporskie issledovaniya*. Issue XXXIX, Kerch, Simferopol, s. 20–57. (In Russian).

Лазаренко, В. Г. 2019. Особенности культа Ахилла в Крыму и на Азиатском Боспоре. *Боспорские исследования*. Вып. XXXIX, Керчь, Симферополь, с. 20–57.

Lazarenko, V. G. 2016b. Ranniy period arkhaiskogo kulta Akhilla v Severnom Prichernomore [Early period of the archaic cult of Achilles in the Northern black sea region]. *Novyy Germes*. Issue VIII, Saint-Petersburg, s. 13–60. (In Russian).

Лазаренко, В. Г. 2016б. Ранний период архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье. *Новый Гермес*. Вып. VII, Санкт-Петербург, с. 13–60.

Lazarenko, V. G. 2018b. Fenomen Akhillova Droma [The Achilles Drome Phenomenon]. *Bosporskie issledovaniya*. Issue XXXVII, Kerch, Simferopol, s. 28–55. (In Russian).

Лазаренко, В. Г. 2018б. Феномен Ахиллова Дрома. *Боспорские исследования*. Вып. XXXVII, Керчь, Симферополь, с. 28–55.

Latyshev, V. V. 1904. Epigraficheskie novosti iz yuzhnoy Rossii (nakhodki 1901–1903 godov) [Epigraphic news from southern Russia (finds of 1901–1903)]. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii*. Issue 10, Saint-Petersburg, s. 1–91. (In Russian).

Латышев, В. В. 1904. Эпиграфические новости из южной России (находки 1901–1903 годов). *Известия Императорской археологической комиссии*. Вып. 10, Санкт-Петербург, с. 1–91.

Liddel, H. G. et al. 1901. Greek-English Lexicon / H.G. Liddel, R. Scott. Eighth edition, revised throughout. New York, Chicago, Cincinat, American book company, 1776 p.

Makovskiy, M. M. 2014. Semiotika yazycheskikh kultov [Semiotics of pagan cults]. – In: Makovskiy M. M. *Yazyk kak fenomen* [Language as a phenomenon]. Moskva, Lenand, s. 124–168. (In Russian).

Маковский, М. М. 2014. Семиотика языческих культов. – В: Маковский М. М. *Язык как феномен*. Москва, Ленанд, с. 124–168.

Makovskiy, M. M. 1996. Sravnitelnyy slovar mifologicheskoy simvoliki v indoeuropeyskikh yazykakh: Obraz mira i mir obrazov [Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages: the image of the world and the world of images]. Moskva, Vlosos, 416 s. (In Russian).

Маковский, М. М. 1996. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и мир образов. Москва, Владос, 416 с.

Raevskiy, D. S. 1980. Ellinские bogi v Skifii? (K semanticheskoy kharakteristike greko-skifskogo iskusstva) [Hellenic gods in Scythia? (On the semantic characteristic of Greek-Scythian art)]. *Vestnik drevney istorii*. No 1, s. 49–71. (In Russian).

Раевский, Д. С. 1980. Эллинические боги в Скифии? (К семантической характеристике греко-скифского искусства). *Вестник древней истории*, № 1, с. 49–71.

Rusyaeva, A. S. 1971. Kul'tovi predmety` y'z poselennya Bejkush pobly'zu u o-va Berezan [Cult objects of the settlement of Bejkush near the island Berezan']. *Arxeologiya*, No 2, s. 22–29. (In Ukrainian).

Русяева, А. С. 1971. Культові предмети из поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань. *Археологія*, № 2, с. 22–29.

Toporov, V. N. 2010. "Mirovooe derevo". Opyt semioticheskoy interpretatsii ["World tree". Experience of semiotic interpretation]. – In: Toporov V. N. *Mirovooe derevo: Universalnye znakovye kompleksy* [World tree: Universal sign complexes]. Vol. 1, Moskva, s. 210–262. (In Russian).

Топоров, В. Н. 2010. «Мировое дерево». Опыт семиотической интерпретации. – В: Топоров В. Н. *Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы*. Т 1. Москва, с. 210–262.

Toporov, V. N. 1992. Yeshche raz o frakiyskom vsadnike v balkanskoj i indoeuropejskoj perspektive [Once again about the Thracian horseman in the Balkan and Indo-European perspective]. *Obraz mira v slove i rituale. Balkanskiye chteniya – I*. Moskva, s. 3–32. (In Russian).

Топоров, В. Н. 1992. Еще раз о фракийском всаднике в балканской и индоевропейской перспективе. *Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения – I*. Москва, с. 3–32.

Toporov, V. N. 1990. Ob arkhaiskome sloe v obraze Akhilla [About the archaic layer in the image of Achilles]. *Obraz-smysl v antichnoy culture* [Image-meaning in ancient culture]. Moskva, State Museum of Fine Arts, s. 64–95. (In Russian).

Топоров, В. Н. 1990. Об архаическом слое в образе Ахилла. *Образ-смысл в античной культуре*. Москва, Государственный музей изобразительных искусств, с. 64–95.

Terenzhkin, A. I. et al. 1988. Melitopolskiy kurgan [Melitopol barrow] / A. I. Terenzhkin, B. N. Mozolevskiy. Kiev, Naukova dumka, 264 s. (In Russian).

Тереножкин, А. И., Мозолевский, Б. Н. 1988. Мелитопольский курган. Киев, Наукова думка, 264 с.

Treyster, M. Yu. 1989. Matritsy iz Pantikapeya (k voprosu o bosporskoj torevtike IV v. do n.e.) [Matrices from Panticapaeum (on the question of the Bosporan tereutics of the fourth century BC.)]. *Kochevniki evraziyskikh stepey i antichnyy mir (problemy kontaktov). Proceedings of the 2nd archaeological seminar. Novocherkassk*, s. 89–101. (In Russian).

Трейстер, М. Ю. 1989. Матрицы из Пантикапея (к вопросу о боспорской тореутике IV в. до н.э.). *Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов)*. Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск, с. 89–101.

Trubachev, O. N. 1999. Indoarica v Severnom Prichernomre [Indoarica in the Northern black sea region]. Moskva, Nauka, 320 s. (In Russian).

Трубачев, О. Н. 1999. *Indoarica в Северном Причерноморье*. Москва, Наука, 320 с.

Shaub, I. Yu. 2002. Akhill na Bospore [Achilles on the Bosporus]. *Bosporskiy fenomen. Part 1, Saint-Petersburg*, s. 186–189. (In Russian).

Шауб, И. Ю. 2002. Ахилл на Боспоре. *Боспорский феномен. Часть 1*. Санкт-Петербург, с. 186–189.

Shaub, I. Yu. 2008. O greko-varvarskikh kontaktakh v religioznoy sfere v Severnom Prichernomre (VII – nachalo III v. do n. e.) [About the Greek-barbarian contacts in the religious sphere in the Northern black sea region (7 – beginning of the 3 century BC)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2 "Istoriya"*, issue 1, s. 113–120. (In Russian).

Шауб, И. Ю. 2008. О греко-варварских контактах в религиозной сфере в Северном Причерноморье (VII – начало III в. до н. э.). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 «История»*, вып. 1, с. 113–120.

Yaylenko, V. P. 2013a. Ocherki etnicheskoy, politicheskoy i kulturnoy istorii Skifii VIII–V vv. do n.e. [Essays on the ethnic, political, and cultural history of Scythia of the 8–5 centuries BC]. Moskva, Onebook.ru, 348 s. (In Russian).

Яйленко, В. П. 2013а. *Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–V вв. до н.э.* Москва, Onebook.ru., 348 с.

Yaylenko, V. P. 2013b. Skifskiy Akhill v Severnom Prichernomre VIII–V vv. do n. e. i ego indoariyskie istoki [Scythian Achilles in the Northern black sea region of the 8–5 centuries BC and its Indo-Aryan origins]. *Drevnosti Bospora*. Moskva, Institute of archaeology of the RAS, vol. 17, s. 377–406. (In Russian).

Яйленко, В. П. 2013б. Скифский Ахилл в Северном Причерноморье VIII–V вв. до н. э. и его индоарийские истоки. *Древности Боспора*. Москва, Институт археологии РАН, т. 17, с. 377–406.

Yaylenko, V. P. 2016. Tri istoriko-onomasticheskikh frakiysko-skifskikh ocherka: alazoni, amazonki, Eksampey [Three historical-onomastic Thracian-Scythian essay: the alazonians, the Amazons, the Exampeus]. *Bosporskie issledovaniya*. Issue XXXIII, Kerch, s. 30–94. (In Russian).

Яйленко, В. П. 2016. Три историко-ономастических фракийско-скифских очерка: алазоны, амазонки, Эксампей. Боспорские исследования. Вып. XXXIII, Керчь, с. 30–94.

Yemets, I. A. 2005. Graffiti i dipinti iz antichnykh gorodov i poseleniy Bospora Kimmeriyskogo: Tipologiya i metodika issledovaniya [Graffiti and dipinti from ancient cities and settlements of the Cimmerian Bosphorus: Typology and research methodology]. Moskva, Sputnik, 242 s. (In Russian).

Емец, И. А. 2005. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского: Типология и методика исследования. Москва, Спутник, 242 с.

Статья поступила в редакцию 24.03.2020 г.